

Аслан ЖАКСЫЛЫКОВ

От всей души поздравляю читателей журнала «Простор», его редколлегию и всю литературную общественность как с Новым годом, так и с 90-летием славного журнала, отдавшего делу служения литературе и культуре нашего народа почти век неустанной подвижнической творческой деятельности. Желаю дальнейших успехов журналу на этом плодотворном поприще, здоровья и счастья всем коллегам по перу. Мира и процветания народу Казахстана, устойчивого развития нашему государству!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роман

Вдруг гора шевельнулась. Не может быть! В ступоре, почти не дыша, смотрел ты, как кренится циклопическая Сфера, приходит в движение от прикосновения серого мотылька, невесомого существа, неведомо каким образом выпорхнувшего из воронки, куда канули бабочка, сойка и сова. Земля и небо сливались в водовороте... Ты потер глаза, потом стиснул ладонями лоб: всё в тебе кричало, что на самом деле не колосс, закрывающий полнеба, от вида которого обмирала душа и бежали мурашки по коже, тронулся с места, а земля ушла из-под твоих ног. И это от того, что ты... явно перегрелся на солнце или околдован злой волей? И ты запаниковал. Нет, тебе не показалось это... Округлая махина массой в миллиарды тонн, давившая на сравнительно маленькую подошву, ощущимо распухла в объеме, сдвигая небо, и ты осознал, что кошмар, врывавшийся в твои сны, наяву навис над тобой. Ни тебе, ни солдатам, ни многотысячной толпе, сгрудившейся на площади, не спастись от гранитного катка, который катится, сминая всё и вся. И в следующую минуту вопль разверз глотку...

– Ага, что с вами? Ага, проснитесь! – вдруг ударил крик, и ты, задыхаясь, хватая ртом воздух, вынырнул из жути, в которую вверх тебя ужас предстоящей гибели под сводами массы, катящейся по каменному плацу. «А-а-а-а!» Ты сидел на циновке, и вопль сотрясал твою грудь, комнатушка вращалась,

Аслан Жамелевич Жаксылыков – доктор филологических наук, профессор, председатель Совета по русской литературе Союза писателей Казахстана. Автор романного цикла «Сны окаянных», рассказов, повестей, более 450 научных трудов. Перевел прозу более чем двадцати казахских писателей на русский язык. Лауреат литературной премии Международного Казахского Пен-клуба, международных премий «Золотое перо Руси», «Алтын Көпір» («Золотой мост»).

Роман «Возвращение» является завершающей (пятой) книгой романного цикла «Сны окаянных». В 2013 году в журнале «Простор» публиковались отдельные его главы. Полный текст публикуется впервые. В №2–5 за 2021 год также вышла четвертая часть цикла – «Дом суриката».

не желая прекращать кружение, чье-то лицо прыгало перед тобой, словно солнечный зайчик, направленный зеркалом.

«Ага!» Пощечина, казалось, отзвенела не на твоей щеке. Но мозг отреагировал на удар, нырнул во тьму, затем восприятие вырвалось, и в угасающем звоне ты увидел лицо девчонки: большие глаза с расширенными зрачками, внимательно изучающие твое лицо. Но вот чувство реальности вошло в душу, ставя всё на свои места: возвращая стены на вертикали, потолок наверх, ретушь уже различных силуэтов в нижние углы. Ясность вернулась к тебе, и ты облегченно вздохнул, глядя на девчонку: «Опять сон?» «Да, это сон», – безмолвно ответила она одними глазами, улыбка просияла в глубине ее зрачков, и ты медленно опустился на свое ложе. «Слава небесам! Это сон! Это только сон и больше ничего», – успокаивался ты, дыша глубже, самообладание возвращалось, и ты в сердцах ругнулся, посылая кошмар к черту.

Девчонка улыбнулась тебе, дескать, всё в порядке, ты в норме. Она куда-то ушла, но вскоре вернулась с полотенцем в руках и принялась вытирать пот с твоего лица. Так же заботливо обтерла полотенцем грудь, затем накрыла тебя дерюжкой из волокна джугабровой пальмы, и, кивнув тебе, принялась хлопотать по дому. У нее длинные голенастые ноги, худощавое стройное тело, едва наметившиеся груди, копна иссиня-черных волос на худеньких плечах, смуглое, как у всех туземок, чуть скуластое, изящно удлинненное лицо с раскосыми, большими черными глазами. Носит она постоянно одно и то же – юбочку из кожи газели, блузку с короткими рукавами из такого же материала. Волосы иногда скрепляет коротким костяным гребнем из панциря черепахи. На шее бусы из сухих ягод в три ряда. На ногах сандалии-плетенки из кожи буйвола, очень прочные. И ты вдруг вспомнил, что сандалии ты сплел ей сам, при этом весьма старался. Подошвы для сандалий вырезал из толстой зулоньей кожи.

У девчонки звонкое имя – Зия. И ты опять вспомнил, что дал ей имя сам, когда она прижилась в твоём доме. В жилище всего две комнаты, они разделены грубой перегородкой из гибкого тростника, стебель которого толщиной с палец. Такой тростник растёт по берегам озера, что на краю города. Из этого растения многое сделано в этом поселении, где давно прижилось безумство. В этом городе несколько тысяч таких домов, в основном они высокие, с толстыми каменными стенами. Каждое строение имеет два выхода – один для обычного пользования, а другой – на потолке: это люк, к которому ведёт лестница. У каждой ханаки очень прочные наружные двери, запирающиеся изнутри, к тому же в каждом доме в углу сложены вражеская конница, такими блоками заставлялся вход в жилище, люди по лестнице через люк поднимались на кровлю, чтобы оттуда вести оборонительный бой с захватчиками. Запасы оружия – окатыши для пращи, стрелы и копья, крюки-захваты, булавы на длинных цепях хранились в ящиках на плоских кровлях. Так было до того, как появились стены вокруг города. Ханаки отдельных семей, в том числе жилища родичей, обычно окружены высокими и прочными дувалами. В дни боев каждое строение превращается в малую крепость и может обороняться день или два, пока мобилизуются в ударную силу воины гарнизона. Сооружение такого города, спасшего жизнь сотням переселенцев и подчинившихся им туземцам, – это конечно, заслуга зардара-стратега и его советников. Среди его советников была Апке. Она превратилась в мудрую провидицу, чьи глаза улавливали будущее. По ее настоянию правитель дал тебе должность барлуги – разведчика. Дальний

барлуга должен был иметь ханаку на краю города, недалеко от крепостных ворот, прислугу, специальное оружие, джунагра для дальних походов, а также запас продуктов. Ощущалось влияние Апке на зардара и в том, что Боря и Кабанбай служили командирами отрядов в Восточном и Западном корпусе, Малыш утенок обретался на должности архивариуса, а Коян и Уку филин были пристроены его помощниками. Все они были на государственных должностях, обеспечены пайками, имели жилище. Однако друзьям было запрещено собираться вместе и тем более – обсуждать дела властей.

С самого начала строительство этого города было безумной затеей, и ты, Тайбала, много видевший за годы крушения человечества, по природе – номад, был против планов зардара, бывшего тогда только предводителем отряда. Против строительства города были и все его друзья, кроме Апке. Но предводитель настоял на своем, более того, он продемонстрировал плащ Странника. Это свидетельствовало о том, что он является хранителем завета Снежного воина. Мало кто ведал, каким образом плащ великого вождя оказался в его руках, некоторые даже подозревали самое худшее. Однако несколько человек, которые были в последних рядах, когда отряд втягивался в подземелье, утверждали, что вождь ни в чем не замешан. Они клятвенно заверяли, что оказались свидетелями чуда – Странник исчез на их глазах, он просто растаял в воздухе. На земле остался только плащ, он лежал темной кучкой, вызывая множество вопросов. Не успел майор ССН прийти в себя, как предводитель метнулся к плащу, схватил его и без промедления кинулся в туннель. Плащ Странника дал предводителю важное преимущество, которым он не преминул воспользоваться. Куда исчез Странник, что с ним стало? На этот вопрос не было никакого ответа, и постепенно отряд привык к тому, что им руководит опытный и властный человек. Но последующие события показали, что их новый командир обладает незаурядными способностями. Если бы он не имел их, как они смогли бы пробиться через лес, кишаций тварями и дикарями, переправиться через широчайшую реку, высадиться на новой земле, подчинить племя кокборе, с помощью воинов племени пробиться в центр саванны к этой обетованной котловине и здесь возле утеса Банзай начать создавать укрепленное селение? С тех пор прошло больше двадцати лет. Их поселок превратился в большой город правящего анклава. Огромная долина, представляющая собой кратер, окружена скалистой грядой, все ущелья, кроме двух, перегорожены стенами из каменных блоков, грандиозный гранитный кряж в центре котловины обтесан тысячами рук и превращен в большую Сферу. Не нужно быть мозгляком, чтобы понять, что возникает новая религия. За эти двадцать лет созданы столица и само государство с большим населением. Непрístupная крепость, ресурсы долины, решительное покорение степных племен, превращение множества дикарей – туземцев в рабов и воинов обученной армии – всё это означало появление в считанные годы новой державы, молодой, экспансивной, энергичной. Разве всё это не доказательство великих организаторских способностей зардара, которого некогда называли почти ничего не значащим словом «капитан»? Не предвидел ли всё это Странник, оставив свой магический плащ Летуна именно ему? Снежный воин... Он однажды внезапно появился над полем битвы, где ребята насмерть сражались с бесчисленной армией крыс, и затем также неожиданно исчез у входа в катакомбы, преградив сначала путь взводу ССН.

Двадцать лет назад... Он появился в последние дни перед маршем отряда через город к катакомбам. И всегда был рядом со Странником, следуя за ним словно тень. И все приняли его за телохранителя Странника. Высо-

кий сероглазый крепыш в черной форме капитана ССН, ничем не примечательный, был как-то незаметен. Но первые же опасности на пути отряда в подземелье, а потом через лес, кишасший тварями, выдвинули его на роль предводителя. Оказывается, он знал тайные тропы, обходные пути, позволяющие миновать ловушки и западни; поразительным образом предугадывал намерения врагов, преследовавших отряд на всем пути вплоть до переправы через реку. Он был решителен и жесток, не задумываясь, расправлялся с дезертирами и смутьянами, в схватке одолел нескольких дюжих, обозленных здоровяков, бывших офицеров и стражников, желавших верховодить в отряде. Его военная выучка, знания, приобретенные во время службы, давали о себе знать, и многие в отряде поговаривали, что их командир на самом деле – тайный агент империи, якобы был внедрен он в ряды ССН еще задолго до появления Странника. Эти слухи придавали образу предводителя некоторую таинственность, и многие его стали побаиваться. Первые дни к нему обращались по прозвищу «Капитан». Когда он продемонстрировал плащ Странника, прошел слух, что вождь летает по ночам, и, перешептываясь, о нем стали говорить, используя слово *Летяга*. Мистический страх перед ним усилился, и именно тогда заговорщики и попытались его прикончить. Один набросился на него с ножом в густых зарослях, другой попытался накинуть на горло петлю и задушить, третий, когда отряд был на марше, метнул в спину кинжал. Однако все попытки убийства предводителя с треском провалились – нужные люди вовремя вмешались. Когда отряд оказался на берегу реки, вождь отозвал в сторонку ребят – Борю, Кабанбая, Тайбалу, Апке, Уку филина, Кояна, Малыша утенка – и поблагодарил их за помощь, которая спасла ему жизнь. Так выяснилось, что у отряда есть молчаливое ядро единомышленников, сплотившихся вокруг предводителя. Командир осознал, что в колонне есть люди, преданные ему, не спускающие с него глаз ни днем, ни ночью. Так образовался рядом с вождем первый круг тайных советников – аругов, затем второй и третий. Сейчас Тайбала, вспоминая те грозные дни, ушедшие в прошлое, понимает, что именно это действие – создание тайного совета – спасло жизнь отряду и помогло переправиться на другой берег реки. Уже в те дни Тайбале было поручено вести неусыпное наблюдение за всеми членами клана, проникать в скрытые намерения людей, угадывать их возможные действия. Он стал первым барлугой в лагере и создателем законспирированной сети секретных служб. Тайбала был посвящен во многие дела и тайны зардара, он обладал некоторыми полномочиями. Своим пайцзы – ярлыком посланника по особым поручениям пользовался он в редких ситуациях. Неожиданное спасение Зии стало именно таким случаем. Девочка была дочерью водоносов, пожилых супругов, обнищавших до такой степени, что не могли заплатить обязательный налог. Это случилось в те дни, когда Тайбала вернулся из похода в Зону. Он направлялся в дворец для доклада. Проходя через большой квартал водоносов, что на окраине города, он увидел стражников во дворе одной лачуги. Ражие стражники, всю работу кнутами, нещадно избивали мужчину и женщину, в лохмотья раздирая их ветхую одежду. Тайбала хотел пройти мимо – такие картины были не редкостью в городе, напрягавшем все силы для завершения большой Сферы и крепостных стен. Однако пронзительные крики всё же заставили его остановиться. Могучий стражник выволок из дома хрупкую девчущку, он тащил ее через двор к воротам. Стражник яростно вопил: «Она – плата за ваши долги, будет продана в рабыни, а деньги пойдут на оплату налога!» Девчонка истоиво кричала, извивалась, пытаясь укусить руку, волочившую ее. Несчастные родители

стояли на коленях, слезно вздымая руки. Внезапно седой туземец, избитый, окровавленный, кинулся к Тайбале:

– Господин! Помогите! Спасите мою дочь!

Он обнимал колени Тайбалы, в его красных от трахомы глазах кипели слезы отчаяния. И вдруг ты вспомнил Серую кукушку на обочине полевой дороги, ее тоскливый крик ударил по слуху...

– Стойте! – решительно приказал ты воинам и шагнул к распахнутым воротам. Те, игнорируя тебя, окружили девочку стеной грузных тел, верзила же продолжал тащить ее. Мало кто в стране ведал про службу тайных советников, настолько была засекречена роль барлуг. И тогда ты вынул из кармана серебряный знак и показал служакам. Те ошеломленно застыли – какой-то оборвыш, поджарый, с раскосыми глазами и лошадиным лицом показывает им пайцзу сановного чиновника! Однако, придя в себя, они поклонились и быстро встали в ряд – дисциплина была вбита в них муштрой и плетями сержантов.

Ты строго оглядел их и сказал сухим голосом:

– Девчонка принадлежит мне, она моя служанка.

– Но, ваша честь, что делать с их долгом? – верзила набычился, не смея поднять недовольные глаза.

– Вот, возьмите, – словно кто-то другой произнес это твоим голосом, и сам ты при этом будто отстраненно смотрел со стороны. Словно в тумане, подал ты стражнику несколько серебряных монет. И в это странное мгновение ты вспомнил, что в шестой книге Малыша утенка будто бы была подобная фраза, что-то заставило тебя повторить ее.

– Да здесь за три года? – осклабился сборщик налогов и закивал головой, то ли кланяясь, то ли выражая удивление.

– Берите и запишите за три года! – приказал ты, подсознательно продолжая думать, что всё происходящее – это из книги Малыша утенка.

Сборщики дружно затопали прочь. Всё же они были недовольны и даже раздражены, возможно, потому, что девчонка была для них желанной добычей. Однако странный господин всё решил по-своему, а спорить с человеком, имеющим пайцзу – это риск оказаться в камере допросов. Какой служивый осмелится спорить с чиновником, пусть даже плохо одетым?

Ты же пошел своей дорогой, и нисколько не удивился, увидев вечером на пороге своего жилища человека из клана водоносов. Рядом с ним была девочка, она стояла, опустив глаза. Старик по обычаю племени кокборе низко поклонился, прижал ладонь к груди и сказал глухим голосом:

– Господин, отныне моя дочь – кости и плоть, целиком принадлежащие вам. Вы заплатили за нее, жизнь ее в ваших руках, если будет плохо служить вам, можете убить ее.

Ты хорошо знал обычаи племени кокборе: отказаться от дара – значит глубоко оскорбить дарящего, а самое главное – обречь его на позор и несчастье. Ты этого не хотел. Так Зия оказалась в твоём доме. Вскоре ты убедился, что она не только девушка старательная и работящая, но и наделенная другими талантами. Видимо, сам Ие просторных долин и вольного ветра прислал ее тебе, человеку-олению; длинноногая, сухощавая, она была необыкновенно стройна и легка в движениях. Понаблюдав за ней и убедившись в том, что у Зии хорошее дыхание, что говорило о сильных легких, ты начал учить ее бегать.

Вскоре ты понял, что во дворце осведомлены о стычке у дома водоноса: о твоих действиях было доложено кому следует, твои слова были записаны в протоколы. В результате стараниями аругов особого круга

за тобой была устроена слежка. Кому-то очень не понравилась твоя решительность, особенно то, что в столице государства, в рутинной суете была явлена пайцца секретного агента. Не оправдывало тебя и то, что ты безапелляционно забрал в свой дом девчонку, которая кому-то в верхах приглянулась и должна была стать чьей-то наложницей. Всё это ты узнаешь потом, когда всё-таки, несмотря на запрет, четверо друзей соберутся вместе и на тайном совете обменяются мнениями о своей судьбе.

Всё это произойдет потом, много позже. А пока ты всматривался в тени своей жизни, исподволь ощущая, что Зия неведомым образом касается потаенных нитей твоей судьбы, прихотливым движением души меняя их сплетение. Ты залечивал раны, вспоминал поход в Зону, перестраивал свое жилище, понимая, что грядут большие события и нужно к ним готовиться. Что-то заставляло тебя много работать с Зией, обучая ее воинским умениям, секретам выживания в сложных условиях, особенно – тактике разведки. С появлением Зии в твоей жизни многое изменилось: во дворе твоего дома туда и сюда сновала хрупкая и гибкая девчушка, звучали мелодичные песенки, сверкала красками новая, обожженная глиняная утварь, ароматы вкусных блюд кружили голову. А по вечерам, затеплив лампаду, ты вчитывался в строки книги Малыша утенка, той самой, за которой охотились агенты империи и в поисках которой ты совершил поход в Зону. Добыв книгу, ты всё-таки переписал ее, отдав зардару оригинал.

Дом твой был крепок, основателен, на плоской кровле хранился запас оружия, двор огорожен высокой и прочной стеной. Когда в твоём доме появилась Зия, ты вдруг понял, как хорошо, что жилище окружено стеной, ведь девочка, чья жизнь неожиданно изменилась, вдруг расцвела, словно роскошный весенний бутон. Импровизируя на маленьком, звучном бубне странные, зажигательные ритмы, она нередко затевала танцы во дворе дома, хотя никто не просил ее об этом. Хорошо, что, кроме тебя, никто не видел эти танцы, стремительные, головокружительные, ведь такие танцовщицы должны быть только в гареме государя. Почему Зия танцевала для тебя? Она никогда об этом не говорила – вы редко обменивались словами. Возможно, она танцевала для себя, по настроению, не в силах отказать своей природе истинной искусницы? На эти вопросы не было ответа. Она верно служила тебе, готовила еду, прибиралась в жилище, подметала двор, таскала воду из колодца, по вечерам, когда ты корпел за книгой, сидела рядом, лепя из красной глины очередную чашку или тарелку или крася кисточкой уже готовую, обожженную посуду. Спала она во второй половине дома на циновках из черного озерного тростника. Тростника звучного, поющего беспрерывно надтреснутым, шероховатым голосом всё ту же древнюю песню белой Волчицы. И тебе тогда казалось, что всё это только приснилось тебе: нет никакого города, окруженного армией врагов. Нет зардара с его безумной затеей большого храма, нет никаких туземцев с их бесчисленными войсками. Что ты по-прежнему там, на берегу засохшего озера, лежишь в песке, а черные тростники поют тебе всё ту же волчью, горловую песню забвения.

Однажды, вернувшись из далекого похода на земли кургуров, усталый, покрытый пылью дорог, ты увидел Зию. Она вынимала лепешки – катырма из круглой печи. На ней было длинное, до щиколоток, платье цвета бабочки-махаона, руки и шея испачканы сажей. Она была почти дочерна смугла и измазана сажей, эта тоненькая девчушка, на большом табане – подставе высилась горка ароматных лепешек. Увидев тебя, девушка зарделась краской смущения, опустила глаза. И такая радость

вспыхнула в ее глазах, засияла самозабвением счастья, что ты, словно юнец, улыбнулся. Ты, суровый воин, не раз заглядывавший в глаза смерти, не смог удержаться от детской улыбки. Вы смотрели друг другу в глаза, а всё кругом рушилось, превращаясь в немой взрыв, рассеявший мир. Этот миг оставил только вас, ваши взгляды и соединил их в нечто немыслимое... А через пару часов, когда ты, совершив омовение, возлег на циновку под навесом, Зия взяла в руки бубен и принялась танцевать. Ты лежал на циновке, небо гудело бубном, кружилась земля, навес порхал бабочкой, тонкая в талии, изящная дева кружилась в танце, запрокинув отрешенное, будто свиристящее лицо, и ты подумал, что жизнь всё-таки удалась. Она неплоха, хотя почти вся прошла в битвах, и полжизни ты провел на ногах, работая натруженными мышцами, преодолевая склоны и затяжные подъемы, соревнуясь в скорости с газелями, гиенами и размашистыми в беге джунаграми.

Тайбале уже за сорок. Ничто не забыто! Клубится в памяти прахом и пеплом прошлое: детство в Зоне, годы, отпылавшие в огне битв, горькая любовь к Апке и долгий поход в джугарный мир, схватки с крысами, тревожные ночи в подвалах истерзанного города, крушение мира, прозябание на острове и служба в стройбате, рабская пахота вместе с дегенератами, появление Странника и его полеты, катакомбы, подземелье, монстры в затопленном метро, марш-бросок через дикий лес, переправа через реку, бои с воинами кургуров и утургуров, многолетняя борьба за создание укрепленного города-государства. И везде Тайбала был в самой гуще событий, с детских лет – воин, последние двадцать лет – проводник, опытный разведчик, умудренный опытом ветеран. Поэтому сама суровость отложилась темным слоем на его сердце. Он привык больше молчать, нежели говорить, глаза умели наблюдать и проникать в скрытое. Тайбала никому и ничему не доверяет. Несмотря на то, что людям, мутантам и покоренным племенам удалось создать неприступную крепость и жизнеспособную державу, Тайбала предчувствует неизбежный крах их многолетнего дела. На случай отступления или бегства он разведает тайные тропы в саванне, изучил скрытые дороги, ведущие за пределы страны, наметил укрытия, которые понадобятся во время трудного похода в условиях погони, безжалостного преследования. Тайбала никогда не доверял ни секретным службам, ни самому командованию, ни даже Апке. Всё слишком сильно изменилось, а Апке стала странной и непредсказуемой. Затея строительства большого храма была подлинным безумием. Эта авантюра поглотила ресурсы, на которые можно было создать до зубов вооруженные армии. Эта держава, которая тратила ценные, дефицитные ресурсы на строительство ненужных дворцов, гигантских мемориалов, страна, которая повторяла все роковые ошибки цивилизаций прошлого, погибших по причине слепого расточительства, была обречена. И Тайбала предвидел это. Душа его была словно источена термитами постоянного и глухого недовольства. Иногда его гнев прорывался наружу, и Тайбала разражался вспышкой ярости... Но это происходило крайне редко и только в полном одиночестве. Но всё-таки... Однажды за ним могли прийти спец агенты и заплечных дел мастера с ордером на арест. Тайбала предполагал и такой исход событий. Поэтому, помня уроки человека-суриката, скрытно прокладывал тайный подземный ход, ведущий от дома к кварталу ремесленников, водоносов. Ко времени появления Зии лаз был почти уже завершен. Подземный ход имел особое значение, поэтому его существование нельзя было доверить даже близким друзьям. Тайбала знал, что Малыш утенок, Уку филин, Коян с готовностью пойдут с ним, но в Боре и

Кабанбае сомневался. Последние слишком долго находились в положении командиров корпусов. Они имели большое жалование, богатые хоромы в столице, загородные садовые дома, слуг, табуны и наложниц. Эти имения были грузом, который поистине отягощал их души. Тайбала понимал, что Борю и Кабанбая идея нового странствия в чужом, неизведанном мире не прельщает. Эти вояки уже чувствовали груз возраста, они полностью вкусили комфорт и роскошь. Апке же была аругой особого статуса – жрицей нового культа и вдохновительницей предприятий зардара. Создание этого государства и строительство большого храма в немалой степени – ее задумка, ее деяние. В эту страну, столицу, в большую Сферу она вложила свою душу и последние двадцать лет жизни. Тайбала не найдет общего языка с ней, как не мог найти и много лет назад в Зоне, будучи отчаянно влюбленным в нее. Да, теперь он понимает, почему она никогда не подпускала его близко, почему между ними всегда стояла невидимая преграда. Наверное, потому, что они всегда смотрели в разные стороны этого мира.

Тайбала вернулся из похода во владения кургуров и утургуров. Он готовился к серьезному докладу, зная, что вот-вот его вызовут в канцелярию, к генералам-штабистам. Хотя танец, улыбки и пение Зии немало его утешили, всё же он был мрачен. Во-первых, его беспокоила рана на левом боку – стрела вражеского лазутчика прошла-таки живот. Хорошо, что наконечник стрелы прошел навывлет, не задев жизненно важные органы. Останься он в ране – не убежать бы Тайбале от преследователей, которые гнали его по саванне несколько дней. Отломив наконечник, он вытащил древко стрелы из раны, наложил повязку и немного косообоко, но всё же ходко понесся неумолимым бегом к гребням далекого кратера, что высились на западном горизонте.

Зия танцевала всякий раз, когда он возвращался домой из очередного похода. И он понимал – так она выражает свою радость, говорит ему языком танца о чем-то светлом, неисповедимом. Пусть радуется и кружится дева в танце бабочки-махаона. Когда придет время, он откроет люк в полу, покажет ей потайной ход. Там в подземелье у него припрятан легкий тюк из оленьей кожи. В этой торбе спрятаны запас стрел, два разобранных составных лука из костяных пластин, два легких меча, кремни, кусок сушеного мяса, два комплекта кожаной одежды и мокасины из зулоньей кожи. Этот тайник – его заготовка на случай внезапной катастрофы, когда не будет времени для сбора вещей на дорогу, когда нужно будет просто открыть люк, спуститься в ход, взять тюк и двинуться к краю города. Ведь однажды подобное пришлось проделать человеку-сурикату, и он остался жив, его история стала легендой. Мало кто извлек из нее урок. Составной лук из костяных пластин – его гордость. Несколько лет назад во время одного из походов к самой границе на востоке вождь племени борисаров показал ему такой лук и объяснил секрет его мощности и дальнего боя. Тайбала поразился: чудо-лук бил на все шестьсот метров, и стрела сохраняла свою убойную силу на половине этой дистанции. И он решил, что обязательно сделает для себя несколько таких луков. Дело оружейника трудное и опасное, оно привлекает следящий глаз. Поэтому, заготовив рога архара в нужном количестве, долго распиливал их на пластины, потом, размягчая их в кипящей воде, изгибал, придавая нужную форму, сверлил пластины, склеивал особой смолой. На изготовление первого лука ушло полгода, второго – два месяца. Однако луки получились что надо, и самое главное – их можно было разобрать для скрытой переноски.

Вечером вы поужинали лепешками, мясом, поджаренным на углях, запили молоком буйволицы, заперли ворота и устроились на отдых во дворе под навесом. За дувалом шумел вечерний город. Матери высокими, протяжными голосами окликали детей, от дворцов лилась река звука и света, по площади глухо и размеренно шагал караульный отряд, громыли барабаны, взмывали резко голоса разводных. Закрывая полнеба, кроваво окрашенная факелами мастеровых, чернела туша большого храма, от здания штаба неслись по улицам в разные стороны всадники – дробь копыт тревожила городское пространство, погруженное в вечерние сумерки. Это были привычные звуки, но всё же что-то беспокоило твой слух, обостренное предчувствие покалывало в сердце. Возможно, зардар уже что-то знает, ведь не зря называют его Летуном. Неужели он летает, как это умел делать Странник? Пусть даже это искусство неподвластно ему, у него есть другие барлуги, кроме Тайбалы. Наверное, это так, ведь каждое донесение дальнего разведчика должно проверяться и перепроверяться. В распоряжении правителя сотни агентов. Тогда он уже знает, что на самом деле происходит в землях кургуров и утургуров. И если завтра Тайбала что-то утаит в своем докладе, не сносить ему головы.

Зия массировала тебе бок своими нежными и быстрыми пальчиками. И боль отступала, сдавала позиции, затаивалась в немоте. Тебе казалось, что сотни светоплескалок и светожурчалок трепещут крылышками на твоей коже, роняя искорки нежности скорее в душу, а не в плоть с ее надоевшей болью. Девушка колдовала над твоей раной, а в сердце разливалась сладкая и истомная волна, и ты думал, осыпаясь душой то ли во тьме, то ли в странном сне: «Зия, почему я тебя не знал? Зия, где ты была раньше?» Девушка словно догадывалась о твоём состоянии: ее глаза светились затаенной улыбкой, сотни черных искорок вспыхивали в них и медленно таяли, бросая твою душу в онемение. А тебе хотелось рассказать ей обо всем, что ты видел на своем долгом пути дальнего разведчика. Конечно, нельзя было этого делать: женщина не должна знать о военных секретах. А на губах трепетал монолог, безмолвный, бессвязный, скорее похожий на бред. И с этим бредом ты засыпал, проваливался в зыбь небытия.

У почти первобытных племен саванны не было особых средств связи, развитых сигнальных систем. Но у них были бегуны – натренированные воины, которые были способны за день непрерывного, неумолимого бега пробежать десятки и десятки километров. Бегунов готовили с детства, отбирая для этой роли мальчиков, сухопарых, жилистых, с длинными ногами и развитой грудной клеткой. Им давали специальную еду и питье, их воспитанием занимались вожди и шаманы. Бегуны представляли особый клан воинов, чья неприкосновенность обеспечивалась древними табу. Бегуна нельзя было останавливать по пустыкам, нельзя было покушаться на его жизнь или свободу. Люди верили, что бог неба Тангара покровительствует посланнику вождей. Гибель бегуна могла вызвать столкновение племен. С незапамятных времен степные люди соблюдали эти обычаи. В последние века у людей саванны появились лошади, и профессия бегуна стала постепенно отмирать. Тем не менее в глухих и дальних уголках великой степи до сих пор можно было встретить бегуна – молчаливую тень, несущуюся по равнинам и косогорам. И никто этому не удивлялся. Тайбале не нужно было привыкать к бегу, это у него было в крови, с детства он любил безостановочным, упорным бегом покорять бесконечные просторы. Роль бегуна – кургурского воина чаще всего он использовал в целях дальней разведки.

Сон вновь бросает Тайбалу в гущу жаркого бега, а бред кипит на его запекшихся губах. Время сворачивается пылью и прахом под его мускулистыми ногами, не знающими устали. Время лопочет, шелестит под зулоньими подошвами мокасинов, а тревога и самозабвение летят рядом с ним, словно неотлучные спутники. Смерть тоже всегда рядом, она готова броситься на него из засады, словно лев – джубарс, или метнуться в него точно направленным дротиком с отравленным наконечником, или взвиться петлей – арканом, брошенным натренированной рукой вражеского барлуги. Смерть – спутник Тайбалы, тайный шепот в его снах, неразлучная тень, изошрившая его слух и интуицию. Пока она его бережет, но для чего, для какой засады, для какой кончины? Возможно, действительно Тангара – бог неба любит своего летучего посланника и непостижимой волей своей хранит его душу? Кто знает. Но великая степь просыпается от векового сна, она объята дымом пожарищ, пепел и прах колотятся в ее сердце. Дух великих и грозных перемен исполинской тенью стоит над красными просторами, содрогающимися от топота несметной конницы. Тайбала летит-несется по степи, он может бежать много часов подряд с утра до самого вечера. Когда нужно бежать особенно быстро, он надевает экзоскелет – «страусовую ногу», и тогда его скорость возрастает вдвое. Кое-кто заметил нечеловечески быструю тень, пересекающую степь, – так родилась жуткая легенда о посланнике самого Тангары – бегуне с крыльями. У костров по вечерам люди шептались о посланнике – устрашающе высоком бегуне с лошадиным лицом, с пронзительно жгучими глазами, с черными крыльями, развевающимися за спиной. Он пронесился мимо становищ словно ветер, словно мистический шурале – демон с медными когтями, огненным взглядом, от которого сворачивается кровь в жилах невинных дев. Молочные, лепетливые, медовые девы прячутся в шатрах и закрывают лица рукавами-шелками, когда видят всякую длинную тень, стремительно летящую над степью. Возможно, это шурале – бегун проклятый, тень беды, длань судьбы окаянной, занесенной над душой безвинной? Кто знает? Но степь гудит, древняя земля содрогается, словно в муках. Десять родов племени кургур сошлись в битве с десятью родами племени утургур. Десять туменов кургуров рубились нещадно с десятью туменами утургуров. Долины, окаймленные прекрасными, божественно чудными холмами, завалены трупами павших воинов. И воцарился над родами кургуров и утургуров кахан – небывалый воитель, Джуруха – непобедимый боец, беспримерный зардар, какого еще не видела саванна. Вдохновленные кургуры и побежденные утургуры подняли его на белом войлочном ковре и нарекли каханом поднебесной степи. Объединенная конница двадцати родов – почти двухсоттысячное войско повернуло свои копыта против куреней мирных борисаров и кокборе. И курени пегих и серых волков потеряли сон. А Тайбала мчался от куреня к куреню и везде слышал одно и то же – о небесном кахане Джурухе и его непобедимом войске.

Кахан кургуров и утургуров непростой воитель и вождь, возможно, он – слышащий голос – *уки*. Если так – он послан самим небом. Туземные племена – древние насельники этих земель переживают небывалые перемены. Впервые за многие века они могут сплотиться в один могучий народ и создать империю. Они уже на полшага от заветной цели. Если Джуруха сможет одолеть борисаров, тогда еще десять туменов конницы пегих волков окажутся в его войске. И тогда что сможет удержать его от завершающего победного броска против горстки пришельцев и заклятых врагов – кокборе? Ненавистных пришельцев, вторгшихся в пределы стра-

ны волков и разделивших древние племена хитрыми наветами и прельстительными речами? Племена белых, черных, красных и пегих волков всегда жили на этой земле, порой воевали, враждовали, но вожди могли найти общий язык и удержать их от истребительной войны всех со всеми. Мудрые вожди и слышащие голос – укчи – договаривались о главном, о мире; виновные в раздоре или в умыкании скота или воровстве дев платили оговоренную дань – кун, и жизнь дальше шла своим чередом. Но с появлением пришельцев из-за реки и ужасных нелюдей, мутантов всё изменилось. Кокборе переметнулись на их сторону, борисары придерживались нейтралитета, но явно сочувствовали чужим и поддерживали их. Степь раскололась на враждующие лагеря. Пришельцы обосновались в священном месте упокоения предков кургугов – божественной котловине – Отукен, они создали там укрепленный лагерь, затем, захватывая мужчин и женщин кургугов и утургугов, превращая их в рабов, смогли построить город с дворцами, садами, кварталами для вельмож и мастеров, значными заведениями, гостиными дворами, базарами и присутственными местами. Тысячи кургугов и утургугов десятилетиями трудились над созданием проклятого монстра – большой Сферы. И произошло нечто ужасное, чего никто не ожидал: люди эти оборотились как бы в живые трупы, они потеряли память, лишились души. Самые сильные и умелые из них стали воинами пришельцев, а остальные *изуверились*, они стали верить в большой шар. Они трудились, не покладая рук, и все как один твердили, что когда шар будет завершен, явится Летун и спасет их. Сфера еще не завершена, но уже тысячи и тысячи кургугов, мужчин и женщин, стали жертвами этого чудовища; многие из них погибли от невыносимого рабского труда, другие в исступлении и мучениях обратились в новую веру, и ничто теперь не сможет спасти их погибшие души.

Атаи – вожди борисаров передавали эти слухи Тайбале – барлуге особого ранга, и он чувствовал, что их души смущены. Атаи сами не знают, верить этим словам, якобы разносимым лазутчиками кургугов, или нет. Они ни в чем не уверены, им не за что любить пришельцев. Но зардар ежегодно в священные месяцы присылает им богатые дары, казначеи державы – даруги исправно платят за воинов борисаров, несущих службу на границах страны. А самое главное – племя кокборе, полностью слившеся с пришельцами, родичи борисаров – два этих племени с давних лет обмениваются невестами и дарами. Нельзя закрывать глаза и на то, что за последние двадцать лет племя пегих волков разбогатело, их табуны приумножились, такого раньше не было. Зардар всегда напоминал аатам об их привилегированном положении в степи. Но теперь всё изменилось. Явился ужасный, непобедимый Джуруха, его объявили каханом, половина степи принадлежит ему, а борисары должны сделать выбор. Выбор в любом случае решающий. Выступить против Джурухи? Но чем это кончится? Двести тысяч конников Джурухи, закаленных непрерывными боями последних лет, и десять туменов борисаров – кто возьмет верх? Атаи не были уверены в исходе такого дела. Сдаться на милость кургугов и пойти против государя и кокборе? Это казалось страшным сном. Оставалось одно: просить помощи у Его превосходительства, кочевать всем племенем к стенам города и влиться в войско державы. Но и это казалось нелегким и опасным выбором аатам, привыкшим лавировать между враждебными лагерями и немало выигрывать от этого. Тайбала понимал атаев, проникал в их мысли, ибо сам был в бесконечных раздумьях об этом. Иногда ему казалось, что на самом деле – он один из атаев борисаров. Разве не со-

мневался он сам в строительстве города, создании этой державы, а самое главное – в усилиях по строительству большого шара? Эти сомнения были высказаны Апке, зардар слышал о них. Наверное, поэтому он никогда не доверял до конца Тайбале.

До самого утра бред вихрится на пламенеющих губах Тайбалы, мнится ему, что он на приеме у правителя, что вновь излагает он историю своего похода к борисарам. А ведь Тайбала особенно не любит говорить, по природе он молчун и затворник. Его душа начинает говорить и петь, когда он за пределами города, когда просторы заключают его в свои объятия; его дыхание, ноги, мускулы, ступни начинают свой немислимый диалог с ветром, упругой землей, той большой силой, которая правит этим миром, которую человеческий язык назвал косно – движение. Тайбала создан для долгого неутомимого бега и слияния с таинством быстрого движения. Эти смыслы непостижимы для других, но душа Тайбалы освещается именно так. Всеобщее сияет и поет для него, когда душа его растворяется в безудержном беге. А бег приносит ему радость. Что ему до того, что всё это непонятно людям. Почему человеческая прихоть должна быть мерилем в бесконечно большой природе, ведь *единое* никогда не одолеть и не переделать. Разве не сказал один из мудрецов древности: «Люди, не собирайтесь больше трех, и тогда ничего не произойдет». Глупцы! Все эти города, крепости, храмы, цивилизации – попытки одолеть вечность, вбить клин в тело времени. Никогда это не удавалось человеку. Пройти, как ветерок, по лику жизни – вот идеал Тайбалы. Вот почему он выступил против идеи строительства крепости, когда отряд людей и мутантов, сопровождаемый воинами кокборе, остановился в центре кратера у подножия гигантского утеса.

Утром явился нарочный с приказом явиться к командующему в Малый дворец. Малый дворец? Что это значит? Обычно зардар принимал доклад своих барлуг в войсковом штабе в присутствии заинтересованных генералов и офицеров. Пришлось Тайбале облачиться в парадную одежду, чего он очень не любил. Хорошо, что у него есть Зия, она помогла ему натянуть заскорузлую, залежавшуюся в сундуке форму. Следуя к Малому дворцу, Тайбала заметил необычное движение в городе. Бросалась в глаза суэта у дальних казарм, там строилось сразу несколько войсковых колонн. Караул у дворцов был усилен, дюжие гвардейцы стояли навывтяжку у каждого входа в дворцовые расположения. Несколько сотен солдат строем маршировали по улицам, двигаясь к Сфере. На боках большого храма кипела работа, там раздавались зычные крики надсмотрщиков, многоголосо звенели молотки, долоты, шлифовальные пилы. Гул, который шел от монолита – это пение рабочих. Так им легче и радостнее высвободить шар из гранитного плена. Они уже верят в явления Банзая, они захвачены этой идеей. Поэтому последние годы они поют, сочиняя протяжные, чаще горловые мелодии. А когда в разрешенные, выходные дни спускаются с лесов на землю, многие из них начинают танцевать под крутыми боками необъятной Сферы. А ведь эти загорелые смуглые люди были некогда заклятыми врагами – воинами кургуров и утургуров. Вот что может сделать с людьми явление Банзая!

Арканная сеть, покрывавшая всю громадную тушу колосса, шевелилась, двигалась, словно живая. К прочным в толщину руки арканам, сплетенным из волокон железной пальмы, были привязаны корзины, в которых могли поместиться несколько человек. Мастера часто оставались в своих корзинах на ночь, чтобы спозаранку начать работу. Специальные носильщики по веревочным и бамбуковым лестницам вереницами поднимались

к корзинам мастеровых, неся на спинах узлы с едой и бутылки с водой. Они и уносили отходы, мусор. Банзай был поначалу гигантским столовым утесом. Эта была колоссальная гранитная твердыня, стоявшая нерушимо в самом центре кратера. Затем обнаружился лаз – узкий проход в скале, который вел из-под земли через основание к пещере в самом центре утеса. Оказалось, что эта пещера – тайная усыпальница великих вождей кургуров. Нельзя было трогать ни саму гору, ни тем более – усыпальницу. Однако капитан, предводитель отряда, приказал выбросить кости из гробницы, и тогда начались ожесточенные схватки с кургурами. В то время у отряда было огнестрельное оружие. Первые годы кургуры несли потери, терпя поражение за поражением. Появились многочисленные пленники. Поначалу они воздвигали дома, потом дворцы, потом стены города. И однажды Апке пришлось в голову обратить утес в великий храм. Так пленники превратились в армию рабов. Множество их погибло на высотных работах на склонах монолита. Однако двадцать лет усилий не пропали даром. Дикари – рабы превратились в умелых мастеровых, и большой шар был почти готов. Осталось малое – завершить шлифовальные работы на нижней половине гранитной сферы, снять леса и арканную сеть с корзинами, нивелирными веревками, лестницами, и колосс будет готов предстать перед населением во всем своем неопишемом величии. Даже сейчас он производил жутковатое впечатление. Апке оказалась права, Тайбале надо это признать.

Малый дворец, предвещающий грандиозный ансамбль из четырех дворцовых сооружений, тем не менее был величествен. К нему вела широкая дорога, выложенная каменными плитами. Дорога была обсажена масляными пальмами, на аромат которых вечерами слетались жуки-светлячки, поэтому в сумерках и во тьме пальмы превращались в живые световые столбы. Сам дворец, по конфигурации напоминающий шатровое здание, но небывало крупных размеров, был сооружен на постаменте из каменных блоков и возвышался над всем городом. Больше и выше его были только большие дворцы – Золотой, Серебряный и Изумрудный, которые находились на отдалении за малым дворцом. Каждый дворец был окружен обширным парком и огорожен гранитной стеной изумительной красоты. Вдохновительницей создания этих дворцов была Апке, по ее планам и чертежам строились все эти здания, разбивались парки, воздвигались статуи и мемориалы, устраивались подземные пути и катакомбы, которые вели неведомо куда. Весь план города знали только Апке и сам зардар. Двор малого дворца перед парадной лестницей был заполнен многочисленной охраной, живописными рядами стояли колесницы, в которые были запряжены огромные джунагры. Здесь звучали команды, сновали жасаулы, то и дело спускались и поднимались по гранитным ступеням послы со свитами. Послы и атай племен всё время прибывали. Их мчали по главному проспекту на колесницах к малому дворцу. Отбывающих послов увозили к крепостным воротам, где их ждали оседланные кони и вооруженная свита.

Такова была картина жизни малого дворца. Большие же дворцы были предназначены для семьи и гарема государя, туда кроме Апке, аругов первого круга и евнухов никто не мог войти. В парках больших дворцов, занимавших всю восточную половину города, разгуливали прирученные джупарды и джубарсы, они могли растерзать любого чужака. На деревьях парков обитали стаи нахальных джубезьян, ничто на земле не могло укрыться от их любопытного и пронизательного взгляда. Это были лучшие стражи дворцовых парков, находившиеся на своего рода службе и

днем и ночью. Днем по дорожкам садов вдоль ручьев и бассейнов, чудных фонтанов прогуливались зумфины сказочной красоты. Крики зумфинов и щебет несметного воинства певчих птиц колыхались над парками, создавая впечатление земного рая. Тайбала как-то увидел всю эту красоту и немало подивился фантазии и настойчивости Апке, задумавшей этот мир прихотливой и роскошной красоты. Он понимал, что все эти парки, дворцы и утварь стоили крови и пота, а то и жизни несметного количества рабов. Ему было тягостно осознавать, что всё это однажды будет принесено в жертву неумолимому духу хаоса.

Тайбала поднимался по ступеням парадной лестницы, их было триста – по сто до каждой площадки, окруженной балюстрадой. Они умело и расчетливо отнимали силы у человека, идущего к входу во дворец. Первые сто ступенек сбивали дыхание, вторая сотня отнимала силы, а третья сотня – усиливала сердцебиение. Так что человек, подходящий к входу, принимался покоями дворца совершенно обессиленным, подавленным мощью сооружения, растерянным и обезличенным. И в этом тоже угадывалась задумка Апке. Апке, кто ты теперь? И была ли ты на самом деле той синеглазой девчонкой, в которую был беспamięтно влюблен Тайбала? Все эти дворцы, особенно большой шар, были явным безумием. Остановившись перед входом во дворец, Тайбала оглянулся на Сферу, закрывающую тушей полнеба, и сказал, качая головой: «Как ты выросла, однако!» Вдруг ему почудилось, что Банзай, облепленный лесами, покрытый арканной сетью, овеваемый песнопениями, на самом деле не кто иной, как сам Малыш утенок с его непомерным животом. Это чудовищно разросшийся рахитик, разбухший до масштабов монстра. Этому великану опять массируют живот, нашпигованный всеми болями человечества. «Надо же!» – покачал головой ты и шагнул через мраморный порог.

Зал приема малого дворца ослеплял белым мрамором, он был властно, настойчиво белым, лишь по стенам бежали золотые узоры, сливаясь в столь прихотливый и магический орнамент, что в его завитках, изгибах и завихрениях невысказанной красоты терялись остатки человеческого разума, чувства времени, пространства и реальности. Этот узор, бежавший по стенам миллионами змеек, выточенный с, казалось бы, неземным мастерством, лишал человека контакта с привычными стихиями, землей и воздухом. Он вводил душу в кружение столь сложных и затейливых линий, что мысль человеческая теряла связь со своим привычным «я», как бы оказываясь в абстрактных переходах в совершенно безличном пространстве. Бесплотный, но осязаемый голос шепнул тебе: «Не смотри туда, иначе потеряешь душу». И ты опустил глаза вниз. Но от этого тебе легче не стало, ибо белое, ослепительное поле тоже опустошало и выжигало душу холодом, оно казалось долгой, замерзшей вспышкой мертвенного света, столь отрешенного, бездушного, что обмирало сердце, предчувствуя истинную космическую пустоту. Этот пустынный зал, леденящий, словно взгляд пучины, изучал твой внутренний мир, тысячами морозных щупалец трогал клеточки твоего сердца, присматривался, приносивался, источал холод и колдовал, творил немую магию превращения живой твари в мертвую статую. И ты стоял навтыяжку, как те гвардейцы, что каменели столбами у балюстрады, и шептал безмолвно самому себе, тому, который был в прошлом свидетелем зарождения этого безумия: «Апке, я же говорил, я же был против сотворения этих монстров. Твои дворцы – это чудовища, оружие пустотой против всего живого, теплого, человеческого. Апке, как ты могла?» Дух беломраморного зала, затерянный

среди золотых змеек и драконов, бегущий стремглав среди бесконечных лабиринтов, поднял голову и вновь шепнул тебе: «Смотри на трон!» И ты увидел нефритовый трон. Он казался то бесконечно далеким, то плавно приближался, словно его катили на колесиках невидимые джинны, и от этой явной магии начинали дрожать колени, спину прошибало потом, и тошнота подступала к горлу. Глубоко изумрудного цвета трон выглядел олицетворенным существом, сказочным драконом, свившим тело в кольца поражающей мощи. Драгоценные камни на спинке трона сверкали глазами чудовища, они прожигали всё сущее и вопрошали о самом сокровенном. Темно-зеленый клубок мощи и сдерживаемой ярости на чисто белом полотне. Он требовал ответа, ясности, этот символ выворачивал душу наизнанку. Тайбала весь дрожал. Он чувствовал, что держится из последних сил. А ведь он барлуга – один из приближенных зардара. И его просвечивают насквозь. До чего же дошло недоверие командующего даже к приближенным, к советникам!

Невольно склонив голову, ты сказал:

– Ваше превосходительство, выслушайте своего слугу.

Трон недовольно наморщил лоб, но глянул ожидающе из глубины своего каменного естества. Так, наверное, смогла бы любезно глянуть гюрза, намеревающаяся ужалить свою добычу.

– Все наши худшие опасения оправдались. Кургуры и утургуры объединились под единоначалием Джурухи.

– Кто такой Джуруха? Что он собой представляет?

– О нем ходят такие слухи!.. Говорят, что его отец был вождем одного из кургурских родов. Вождь был отравлен врагами – борисарами, и мальчик остался сиротой. Словно волчонок, оставшийся без родителей, он рос с малых лет в условиях гонений и преследований. Его пытались поймать и продать в рабство даже родичи – братья отца. Но небо покровительствовало юноше, и он рос воином, питаясь больше сырым мясом и молоком диких куланов. Говорят, он не знает страха, искусен в битвах. Мужчины из разных родов и племен, в основном разбойники и отщепенцы, отвергнутые родичами, убедившись в его доблести и качествах вождя, шли к нему со всех концов степи. Так у него появилась дружина.

– Барлуга, ты описываешь доблести врага в неподобающих эпитетах. Так ли на самом деле хорош он, как ты описываешь?

– Ваше превосходительство, мне кажется, лучше преувеличить силу врага, нежели преуменьшить. Первое не так опасно, как второе.

– Продолжай, барлуга!

– Сражаясь неумоимо, он одолел постепенно предводителей всех кургурских родов, так у него появилось войско в десять туменов. Говорят, что он щедро делится добычей со своими воинами, будучи жестоким и беспощадным с врагами, он великодушен и благороден со своими, однако не прощает предательства и коварства. Известны случаи, когда он приказывал прилюдно казнить вражеских воинов и командиров, предательски бежавших от своих вождей или выдавших их ему.

Нефритовый трон недоверчиво взглянул на него и, брезгливо насупив брови, крепко задумался. Тайбале стало понятно, что эту сторону человеческих отношений государю лучше не объяснять.

– Кургуры объявили его своим каханом, и тогда он повернул копьё объединенного войска против утургуров.

– Как же он одолел их, ведь утургуры прослыли несравненными воителями?

– Джуруха применил особую тактику. Он создал широкую и разветвленную сеть своих агентов, разработал систему быстрой связи. Такого прежде в степи никогда не было. Барлуги под видом торговцев или бродячих юродивых или странников-знахарей проникали глубоко в расположения куреней утургуров. Разведка была поставлена так надежно и искусно, что Джуруха знал не только о том, где находится каждый утургурский атай в любой момент времени, но и о чем он думает, что намеревается делать. Особенно тщательно были изучены слабости каждого вождя. Эту же тактику он намеревается предпринять против борисаров.

– Кха-кха-кха! – послышалось со всех сторон.

Ты оглянулся и увидел вождей, величественно восседавших на кожаных подушках. То были предводители кокборе. Как они здесь оказались, и почему ты их не заметил? Вожди были явно недовольны, хотя и смущены тем, что услышали сейчас. «Жирные и спесивые кабаны! Вы разучились воевать, привыкли к пуховым подушкам и мягким коврам, забыв про простое седло воина. Морщитесь, будучи недовольными словами барлуги. Подождите, еще не то узнаете! Вы не слышите голоса ветра, а скоро грянет буря».

– Что еще кроме разведки применяет Джуруха для организации военных действий?

– Джуруха, видимо, еще обладает качествами искусного политика. Богатыми дарами, лестью, посулами он склонил на свою сторону нескольких вождей утургуров: Каргатая, Тарбагана, Тауасара. Между родами утургуров начались раздоры, столкновения. Воспользовавшись неразберихой и междоусобицей утургуров, Джуруха нагрянул со всем своим войском, и против него осмелились выступить только пять туменов.

– Почему только пять, а не семь?

– Три рода перешли на сторону Джурухи, а два заняли позицию нейтралитета. Они наблюдали за битвой с холмов. Когда пять туменов утургуров были разбиты, они прислали послов и предложили свои услуги Джурухе. Они были расформированы, и из них составили корпус джасаков.

– То есть разведки?

– Да, джасаки – это легкая конница Джурухи, разведка, арьергард войска, начинает битву пробными боями.

– Неужели Джуруха так хорош, как ты расписываешь, барлуга? Что ты еще можешь сказать о нем?

– Несмотря на то, что он кахан девятнадцати родов, полководец огромного войска, он живет в простом войлочном шатре, презирая роскошь. Он носит одежду простого воина, ест обычную еду, спит на конском потнике. Захваченное золото и серебро отдает в казну. Трех своих сыновей воспитывает как солдат, растит их в суровости. Они участвуют в битвах. Истинные волчата!

– О чем ты говоришь, барлуга? – неприязненно глянул трон, и ты поразился: у нефрита было лицо, и оно было уязвленное, веющее не то чтобы холодом, а скорее – нешуточной угрозой. – Тебе была поручена военная разведка, сбор особой информации. Например, как строит войска Джуруха, как вооружены его солдаты, кто у него в военных советниках, диспозиция его войск в решающих битвах. Нам нужно знать его характер как полководца, а ты расписываешь его благородство, щедрость, хитрость... Для чего мы тебя посылали? Для чего ты получаешь жалование дальнего барлуги?

Трон закипал гневом. Он напрягался, сжимая пальцами нефритовые подлокотники, заметно наклонялся вперед, буравя льдинками-зрачками лицо смущенного Тайбалы.

– Ваше превосходительство! – Тайбала решил гнуть свою линию. – Я разведчик, передаю свои наблюдения, а также собранные слухи. В способностях Джурухи как полководца пусть разбирается штаб, для чего существуют генералы и аналитики? Пусть у нас нет огнестрельного оружия, всё же мы разумом из другой эпохи, Джуруха же со своими воинами, по крайней мере, из железного века. Пусть люди, которые пришли с отрядом – те, кто хранят военные знания нашей эпохи – анализируют ситуацию. Мой же долг предупредить о большой опасности. Преуменьшать способности кахана нельзя!

– Как ты сказал, кахана? – переспросил трон. – Какой такой кахан? Мы таковым его не признали, верительных нот от него не получали. Для нас он самозванец, дикарь! Довольно, барлуга! Ты сказал, что хотел. Теперь выслушаем мнение вождей племен.

– Ваше превосходительство! – поднялся с подушки дородный мужчина и склонил жирную, мясистую голову. – Этот выскочка Джуруха – самозванец. Это опасный смутьян, вор и грабитель. Мы, кокборе и наши родственники борисары, его каханом не выбирали, поэтому его власть не признаем. Победы этого самозванца не случайны, и не потому, что его поддерживает бог неба, и не потому, что он – воплощенный дух войны. Всё дело в том, что у этого Джурухи есть советник, некий Сай Чуй, пришелец из Желтой империи. С появлением Сай Чуя дела Джурухи пошли в гору, он стал одерживать победу за победой. Пока рядом с ним этот хитрый дракон, советник, Джуруха опасен.

– Так вот в чем дело! – снисходительно усмехнулся нефритовый трон и укоризненно глянул на Тайбалу. – А ты всё выставлял его военным гением. Оказывается, Джуруха заимел советника. Выходит, тут замешана Желтая империя. Вот в чем дело! Вот где собака зарыта!

Вожди кокборе смущенно опустили головы, они не любили, когда при них негативно упоминали волка или собаку.

– Всё дело в большой политике, и мы здесь кое-что упустили. Интересы Желтой империи надо учитывать. Два года назад мы ей кое-что отказали, и сразу появился этот советник у Джурухи, как его там? Чай Суй?

– Нет, ваше превосходительство, Сай Чуй, – мягко поправил его вождь кокборе, сложив руки на животе.

– Хорошо, пусть Сай Чуй. Но как появился этот советник, так он и исчезнет. Надо срочно готовить посольство в Желтую империю. Позовите первого министра! – нефритовый трон властно изогнул бровь и глянул на евнухов. В их ряду волной прошло движение. – Барлуга, ты можешь идти. Жди распоряжений! Найди в степи своего джунагра и будь готов к походу.

Тайбала поклонился и, пятясь, двинулся к выходу. Нефритовый трон и вожди родов тотчас забыли о барлуге. Слуги вносили в зал угощения, шум радостного оживления всколыхнул пространство малого дворца. Тайбала был уже возле выхода, когда чья-то рука схватила его за локоть и повлекла куда-то в сторону. В стене коридора колыхнулся белый пол, открылся проход, и ты шагнул в полумрак тайного помещения. Ты не сопротивлялся, не удивлялся, лишь покорно следовал за быстрым, влекущим силуэтом, закутанным в шелка. Так было уже не раз, и ты знал, что за этим последует. Малый дворец имел немало укромных комнат, замаскированных помещений для секретных приемов и аудиенций, разветвленная сеть подземных переходов вела от него к большим дворцам и к другим зданиям города. Хотя ты был барлугой, но в сложной путанице подземных ходов ни за что не разобрался бы. Вы много раз поднима-

лись по ступенькам, спускались вниз, поворачивали то влево, то вправо, шагали по винтовым лестницам. Наконец служанка остановилась, сверкнула из-под платка иссиня-черными, поистине берберскими глазами и сказала: «Проходите, вас ждут!»

Это была большая просторная комната, мягко освещенная газовыми лампами. Высоко на стене вентиляционные шахты, забранные решетками. Окна, скорее всего, симитированы шелковыми занавесками и рисунками за ними. «Значит, помещение находится под землей», – подумал ты. Комната устлана пышными коврами, низкий азиатский стол из дорогого дерева окружен кожаными подушками, на столе всевозможные фрукты в изысканной посуде. Ничего лишнего здесь не было, тем не менее всё говорило о роскоши и неге, к которой привыкли обитатели покоев. Здесь не нужно, сгибая спину, кому-то кланяться или стоять навтыжку. Ты сел на подушку, и когда в комнату вошла она, просто повернул голову и кивнул ей. Хотя многое изменилось с тех пор, пока не появились эти дворцы, город, большая Сфера и эта скрытая комната, всё же по-прежнему вы были Апке и Тайбала, вы помнили и знали свое прошлое. Церемонии между верховной жрицей и барлугой здесь были бы просто неуместны.

С минуту Апке стояла у входа и смотрела на тебя. Она была в темной шелковой накидке, и ее синие глаза, казалось, светили из глубины тьмы. Ваши взгляды встретились, и несколько минут прошли в безмолвии. Покояющую силу и волю излучали ее глаза. Так было всегда, когда вы смотрели друг другу в глаза. Ты ощущал странное влияние, терялся перед магией женской души, взиравшей на тебя с высоты особого знания. Ты был бессилен перед этой пронизательностью, которая в конце концов всегда ставила тебя на место и обращала опять в растерянного мальчишку, сорванца Зоны, словно молнией пронизанного ощущением своей беспомощности перед властью женской красоты. И всё же... Что-то же соединяло вас, сливало ваши души в единении, которое осуществлялось помимо воли! Что же понимали ваши души, когда глаза встречались в долгом взгляде, что они узнавали? Вы всегда были далеки друг от друга, и тем не менее ощущаемая нить, связывавшая вас, была дорога вам. Насколько же Малыш утенок был любим ею и близок к ней! И эта же сила держала вас в отчуждении и непонятном влечении друг к другу. Как же сложны ваши отношения!

Когда Апке присела на подушку, вы по-прежнему смотрели друг другу в глаза. И ваши сердца говорили о чем-то сокровенном, вопрошали...

– Я слышала, что в твоём доме появилась служанка? – наконец спросила Апке, отведя глаза.

– Да, появилась, – ответил ты, несколько не удивляясь ее осведомленности.

– Умело ли лечит твои раны эта дикарка? – несколько холодно спросила Апке.

– Она знает всё, что нужно от лекаря, – уклончиво ответил ты, украдкой разглядывая Апке. Она была в самом расцвете женской красоты, тонкая в талии, необыкновенно изящная, и в то же время неотразимо женственная, поражающая сердце белизной кожи и прелестными движениями. Точеное лицо ее обрамлено локонами и складками накидки, а большие глаза затаили мерцающую поволоку. Однако никогда нельзя забывать того, что перед тобой верховная жрица, аруга первого круга, что этот город, крепость, Большой храм – воплощение ее мыслей, ее странных прихотей. «Пожалуй, Апке более опасна, чем зардар, – неожиданно подумал ты. – Ведь Его превосходительство нередко – игрушка в ее руках».

– Я знаю, что ты недоволен аудиторией, что твой доклад не был выслушан до конца и не понят, – сказала Апке мягко и вопросительно изогнула бровь.

– Мне показалось, что я бредил перед пустым тронем, – недовольно буркнул Тайбала, всё же облегченно вздыхая. Он знал, что Апке внимательно выслушает его, и доклад, особенно – точка зрения автора, будут тщательно проанализированы. Всё же Апке имеет немалый вес в государстве, поэтому они – Тайбала, Боря, Кабанбай, Малыш утенок, Уку филин, Коян – всё еще живы и здоровы, находятся на содержании.

– Насколько велика угроза для государства? – спросила Апке, следя за мимикой Тайбалы.

– Как никогда! – решительно сказал Тайбала, нисколько не щадя верховную жрицу. – Если еще точнее – осталось несколько месяцев до вторжения армад черных и красных волков. Борисары, конечно, будут разгромлены, и их войска усилят армию Джурухи. На нас двинется тремя армиями трехсоттысячное войско. Твои силы – это горстка наших людей и десять туменов кокборе, разленившихся, жирных собак, приученных к подачкам. Эти атаи кокборе – уже не те воины, которых мы знали двадцать лет назад. Это льстецы, развращенные богатством, наслаждениями, сытой жизнью. У каждого гаремы в десятки жен. Они давно разучились воевать и мыслить как стратеги. Они заласкали предводителя лживой лестью, и он не видит истинного положения дел. Мне кажется, что он...

– Так ли умен и одарен как полководец этот Джуруха? Не преувеличиваешь ли ты его способности? – прервала его Апке. – Если убрать его советника Сай Чую...

– Сай Чуй только советник. Правитель не знает, что Джуруха достиг главных военных побед без него. Желтая империя, конечно, плетет интриги с каханом, заигрывает. Но Джуруха способен к действиям и без Сай Чую. Главное сейчас – склонить на свою сторону борисаров, оказать им поддержку. Если мы выступим сейчас и поможем борисарам, то у нас есть шанс разгромить Джуруху. Силы будут примерно равны, к тому же нельзя забывать, что мы – вожди этой страны – люди другой эпохи, мыслим иначе, чем может это представить Джуруха.

– В чем сила Джурухи? – спросила побледневшая Апке. Тон твоего голоса и решительность ответа произвели на нее впечатление.

– Жесточайшая дисциплина в войсках! – не задумываясь, ответил ты. – Умение быстро учиться на ошибках, усваивать чужой опыт. Он создал штаб, совет генералов, не хуже, чем у нас. Разве такое было когда-нибудь в степи волков? О разведке и связи я уже говорил. Его армия вооружена новыми луками, составными, способными бить на шестьсот метров. Каждый воин имеет запас продовольствия, выходит в поход с заводным конем. Армия продвигается быстро на плацдармы и заранее разведанные позиции. К тому же Джуруха храбр, неутомим, нередко сам врывается в самую гущу битвы.

Апке долго думала.

– Мы сейчас не готовы выступить в поход далеко в степь. Дело в том, что Большой храм отвлекает на себя огромные материальные и людские ресурсы. Мы можем уговорить атаев борисаров, чтобы они перекочевали всем народом поближе к городу на территории кокборе. Эта мера позволит нам создать густую оборону в несколько эшелонов. Умело обороняясь, мы сможем превратить кратер и сам город в неприступные крепости.

– На пастбища вокруг кратера перекочет почти пятьсот тысяч человек с несколькими миллионами голов скота, только лошадей – около миллиона. Захотят ли кокборе потесниться, поделиться своими пастбищами? Ведь скота у них больше. Ну, хорошо, допустим, вожди кокборе согласятся. Надолго ли хватит их терпения и понимания? Пока не начнут истощаться пастбища. Ведь дальний родич тем хорош, что обитает он далеко. Потом неизбежно между двумя племенами начнутся трения, вражда. А что, если мы прекратим на время работу над Сферой, вооружим рабов, мобилизуем гарнизон и...

– Нет, ты не всё знаешь... Дело нельзя останавливать. Это может привести к хаосу, разве ты не видишь, как воодушевлены двадцать тысяч рабов? Это же дело всей их жизни! Они уже не рабы, а служители нового культа, – быстро сказала Апке. – Ты всё-таки многого не понимаешь. Ты по-прежнему диссидент, я же помню, не забыла, что ты был против строительства города, дворцов, особенно – монолита. Что ты предлагал нам тогда? Странствие и растворение среди волков. Ты такой же, как и раньше. Ты – странник в душе, номад, пожалуй, больший, чем сами люди-волки. Ты всегда критиковал меня, мои планы, дела... Поэтому предводитель не любит тебя. Но подумай, эти двадцать лет мы живы и всё еще вместе благодаря стенам этого города, армии этой страны. А что ждало нас в твоём странствии по саваннам?

– Наш спор продолжается, – жестким голосом сказал Тайбала. – Точка еще не поставлена. Если ты вышел из странствия и решил жить на месте, появится желание иметь много вещей. Чем больше у тебя вещей, тем больше сил нужно, чтобы их хранить и защищать. Создавая эти силы, со временем осознаешь, что, оказывается, нужно защищать и эти силы. Так возникает круг несвободы и принужденности. Ты попала в этот круг и затащила нас туда. Мы всё время защищаемся, создаем оборонительные круги, пояс за поясом. И всё больше увязаем в несвободе. Нас, когда мы пришли из-за реки, было всего двести человек. Вместо того чтобы раствориться среди тысяч туземцев, эти двести подчинили их себе, насильно изменили их образ жизни, бросили вызов всей степи, всей природе. И вызвали атаки на себя. Ведь рано или поздно найдутся такие, кто убежденно не согласится с тем, что кучка пришельцев навязывает чуждые законы большинству туземцев.

– Для тебя эти мраморные дворцы, крепостные стены, великий храм, роскошные сады – знаки несвободы. Я знаю, ты именно так думаешь. Я же иначе это понимаю. Посмотри на это с другой стороны. Был ли когда-нибудь у степных людей такой город? Они просто кочевали по саванне, воевали со всеми, прирастали и умирали, как травы. В хорошие годы они умирялись в числе, в годы бедствий почти поголовно умирали. Так было всегда. А теперь всё иначе: у них есть ремесла, библиотеки, армия, совет старейшин, город, где они могут укрыться за стенами. Впервые за столетия они неуклонно растут. Они вспахивают землю, растят злаки, сады. Почему ты не считаешься с этим? Или ты всегда чего-то боялся, что хотел бежать всё дальше? А с появлением Джурухи твой страх стал еще сильнее? – Апке глянула испытующе.

– Страх?.. Пожалуй, да. Апке, когда-то много лет назад, еще юношей, я умолял тебя: «Апке, не уходи!». Мне казалось, что ты собираешься уйти, оставить нас. Мне теперь за сорок. Но странно, чувство, что ты вот-вот уйдешь от нас, стало еще сильнее. Оно как никогда сильно... Я этого не могу объяснить. Но оно каким-то образом связано с этим городом, с событиями, которые назревают. Я ничего не могу поделать с этим предчувствием...

Оно в воздухе, рядом... оно снится мне каждую ночь... – Тайбала закрыл лицо руками, его плечи внезапно содрогнулись.

Апке быстро подошла к нему, взяла за руки и заглянула в глаза. Минуты нежности были редки между ними, но они случались и были пронзительны. И тогда они ощущали, что их связь глубока и неисповедима. И опять они смотрели друг другу в глаза, ощущение близости облаком окутывало их. И то, что было истинно в их душах, их единство, снопами искр осыпалось и рушилось в глубине зрачков. Она знала одно слово, предназначенное только для него, имя, придуманное когда-то в Зоне. И это имя было принято Тайбалой.

– Тайке, что-то происходит, такое, что мы бессильны изменить. Я не могу отделаться от ощущения, что кто-то, быть может, бог, рассказывает нашу историю, то есть судьбу. Мы просто персонажи этого сказа, играем назначенные роли. Тебе так не кажется? Иногда мне чудится, что мы по-прежнему находимся в каморке учителя. Мы продолжаем убирать вещи в его комнатушке, находясь в гипнотическом сне. В наваждении, столь властном и подавляющем, что почти нельзя осознать, что это сон. Учитель по-прежнему сидит за столом, источенном его кошмарами, и строчит по желтой бумаге, а из-под его призрачных рук выбегают муравьями события. Эти слова и есть колдовство, от которого мы не можем избавиться. Странно, я ведь не хотела строить этот город, крепости, большой храм, но что-то же заставило меня? Слова появились в голове и стали звучать, я приняла их за свои мысли. Тайке, тебе так не кажется?

Тайбала задумался. Ему хотелось, чтобы эта минута нежности и откровения длилась бесконечно. Ах, почему они случаются так редко, почему они с Апке не могут найти общий язык?

– Мне часто снится очень странная картина. Будто я стою на дне какой-то высохшей реки и рассматриваю камень в своей ладони. А он круглый такой, с белым пояском посередине, а по бокам то ли символы, то ли рисунки, – сказал задумчиво Тайбала, изучая взглядом лицо Апке. Какое оно белое, как бы созданное из молочного света, и такое сильное, волевое. Какое тонкое благоухание источает ее кожа. Так пахнет только ее кожа.

– Банзай? – быстро переспросила Апке и задумалась. – Так вот оно что...

– Что? – переспросил Тайбала.

– Не знаю, нужно обдумать. Но всё равно это загадочно. Тайке...

– Что? – словно эхо, откликнулся Тайбала.

– Скоро тебя снова пошлют в разведку. Пожалуйста, будь осторожен.

Тайбала улыбнулся, опустил голову, а когда снова взглянул на Апке, в его глазах такое сияло, такое светилось, что Апке стало больно в груди. Она отвернулась, ее плечи вздрогнули. И всё же она тихо спросила:

– Постарайся узнать лучше, кто такой Джуруха, как он выглядит, его слабости.

– Кое-что уже знаю. Говорят, он рыжеволосый, крепкий такой.

– Рыжий? – удивленно протянула Апке, и оторопь появилась в ее глазах. Тайбала только покачал головой.

Уходя, Тайбала оглянулся и сказал:

– А всё-таки зря мы выкинули кости кургуровских аруахов из усыпальницы. Я никак не могу забыть это.

Апке, глядя ему вслед, сказала тихо, чтобы он не услышал:

– Я положу кости обратно на место.